A 21 2/20
Альманах

П. Мироносицкій. **ВЪ ЗАЩИТУ РОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.**

(По поводу мѣропріятій къ упрощенію русскаго правописанія).

А 2/20.

Высокочтимому Академику
Алексѣю Ивановичу
Соболевскому
отъ автора.
6/17. VIII. 16.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РУМЯНЦ. МУЗЕЯ

Цѣна 20 коп.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 330989
193 г.

ВЪ ЗАЩИТУ РОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(По поводу мѣропріятій къ упрощенію русскаго правописанія).

In judicando criminosa est celeritas.

Образованная при Академіи наукъ Комиссія объ упрощеніи русскаго правописанія въ своемъ первомъ и единственномъ засѣданіи 11 мая с. г., подъ предсѣдательствомъ академика А. А. Шахматова, приняла слѣдующія главныя рѣшенія:

а) Устранить изъ русскаго алфавита буквы: ѣ, і, ѳ, ѵ. Букву ъ писать только внутри словъ, въ качествѣ слогораздѣлительнаго знака.

б) Въ родительномъ падежѣ именъ прилагательныхъ муж. рода един. числа принять окончанія *ого* и *его*, напримѣръ, *тихого*, *летнего* дня.

в) Въ именительномъ и винительномъ падежѣ множественнаго числа именъ прилагательныхъ принять окончаніе *ые* и *іе* для всѣхъ родовъ, напримѣръ: *милые дети*, *ясные звезды*.

г) Принять форму *ее* и для родительнаго и для винительнаго падежа, напримѣръ: *я помню ее и ее отца*.

д) измѣнять букву *з* на *с* предъ глухими не только въ приставкахъ *воз-низ-раз-из*, но и *без* и *чрез*, напримѣръ: *беспокойный*, *бесстрашный*, *расссорились* и т. п.

е) Нарѣчія, представляющія сложеніе предлоговъ съ падежными формами писать и слитно, и раздѣльно, напримѣръ: с верху и сверху, сгоряча и с горяча, из синя и иссиня.

Въ засѣданіи Комиссіи были сдѣланы настойчивыя заявленія о крайней спѣшности вышеизложенной реформы правописанія и о необходимости принятія немедленныхъ мѣръ къ проведенію ея въ жизнь школы, чтобы внести успокоеніе въ среду учительства, которое вмѣстѣ съ общественными организаціями давно уже требуетъ этой реформы. Эти мѣры нынѣ уже приняты Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ циркулярѣ отъ 15 мая на имя попечителей округовъ, опубликованномъ и въ газетахъ. Газеты же оповѣстили, что по распоряженію Товарища

Министра г. Герасимова новое правописаніе съ 1 іюля 1917 г. становится обязательнымъ для канцелярскихъ писаній Департамента Народнаго Просвѣщенія.

Однако сомнѣнія въ успѣхѣ реформы этими чрезвычайными мѣрами не исключаются. Школа не можетъ принять новое правописаніе безъ тяжкаго боренія. Можно думать, что даже тѣ педагоги, которые «требовали» реформы, при введеніи ея въ жизнь столкнутся съ неожиданными препятствіями. Проблема правописанія отнюдь не рѣшена,—скажемъ больше, она теперь стала еще дальше отъ рѣшенія, и вотъ почему мы рѣшаемся предложить вниманію читателей нижеслѣдующія замѣтки. На бумагѣ реформа проведена съ крайнею поспѣшностью. Но на дѣлѣ—никогда не поздно подумать. И кромѣ того ненарушима должна быть святость правила: audiatur et altera pars—надо выслушать и противную сторону.

I.

Письмо само по себѣ не имѣетъ самодовлѣющаго значенія. Пишутъ для читателя, точно также какъ говорятъ для слушателя. Говоръ или живая рѣчь тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе благодаря ему воспринимается мысль говорящаго; письменная рѣчь тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ легче и скорѣе зрительнымъ путемъ воспринимается по ней мысль писавшаго. Достоинства письма оцѣниваются только удобствами чтенія и больше ничѣмъ. Даже чисто внѣшніе пріемы письма подчиняются этой оцѣнкѣ. Какъ писать: карандашемъ или перомъ,—курсивомъ, или прямымъ шрифтомъ,—сверху внизъ, или слѣва направо, или справа налѣво,—скоро или медленно,—на машинѣ, или отъ руки? Эти вопросы рѣшаются просто: пиши такъ, какъ выгодно для читателя. Рукою писателя водитъ его читатель даже и тогда, когда дѣло касается идей и способовъ ихъ наилучшаго выраженія.

Если бы исходнымъ пунктомъ предполагаемой и требуемой «общественными элементами и организаціями» реформы было положеніе: наше правописаніе столь сложно, что трудно по нему читать и учиться чтенію, то были бы понятны и шумъ, и тревога, и досада на косность въ проведеніи соотвѣтствующей реформы. Но этого положенія не выставляетъ никто изъ реформаторовъ правописанія: они говорятъ только объ упрощеніи правописанія, т. е. о выгодахъ пишущаго, дѣйствительныхъ или мнимыхъ. Говорить противъ удобочитаемости существующаго правописанія очевидно ни у кого не хватаетъ духу, ибо она доказана вѣковыми успѣхами нашего просвѣщенія, величіемъ нашей литературы, опытомъ любого учителя грамоты. Степень этой удобочитаемости столь высока, что книга для хорошо грамотнаго

*

человѣка превращается въ живое существо, которое заставляетъ читателя забыть объ окружающемъ, созерцать невидимые и невѣдомые образы и картины, то плакать, то смѣяться надъ страницами книги. Пусть самъ этотъ читатель пишетъ малограмотно и излагаетъ нескладно, но въ книгѣ онъ видитъ слова русской рѣчи такими, какими ихъ видитъ самъ авторъ книги, какими ихъ видятъ самые образованные сограждане-современники.

Итакъ, наше правописаніе удобочитаемо для всѣхъ: для высокообразованныхъ и для малограмотныхъ, и для пишущихъ, и для такихъ, которые умѣютъ только читать. Выводъ отсюда ясенъ: если по какимъ-либо побужденіямъ надо измѣнять это правописаніе, то а) должна доказана съ полною неопровержимостью необходимость и неизбѣжность этого переворота, и б) степень удобочитаемости при новомъ правописаніи должна остаться тою же или должна повыситься, но не понизиться.

Вотъ съ какимъ мѣриломъ надо подходить къ проекту новаго русскаго, «упрощеннаго» правописанія.

II.

Говорятъ: необходимо измѣнить наше правописаніе,—при всей его удобочитаемости, внести въ него нѣкоторыя потрясенія, произвести въ немъ чистку... Кто это говоритъ? Кто этого требуетъ? Писатели? Конечно, не они. Существующее правописаніе сдѣлалось частью ихъ существа: оно залегло въ ихъ нервы и мускулы. Писать по другому они, при всемъ желаніи, не могли бы, и при воцареніи новаго правописанія кому нибудь пришлось бы ихъ сочиненія переводить на новую письменность. Чиновники, тоже писатели своего рода, ни въ какомъ случаѣ не могли бы отказаться отъ стараго правописанія и возстать на него: они—извѣстные хранители привычныхъ формъ и традицій, они—создатели своего специфическаго канцелярскаго языка, въ выгодахъ котораго ихъ нелегко разубѣдить. Кромѣ того, какъ авторы или цѣнители разнаго рода документовъ, они знаютъ цѣну буквѣ и не даромъ слывутъ буквоѣдами... Не могутъ жаловаться на трудности правописанія и обыватели вообще. Малограмотное обывательское письмо въ сущности не сопряжено ни съ какими матеріальными и моральными лишеніями. Малограмотныя письма доходятъ по назначенію и дѣлаютъ свое дѣло, прошенія принимаются къ разсмотрѣнію, росписки имѣютъ силу и т. п. Остается школа—учащіеся и учащіе: вотъ кто имѣетъ полное право говорить о томъ, трудно или легко, сложно или просто русское правописаніе. На школу возложена обязанность научить дѣтей и юношей, получающихъ образованіе, писать такъ, какъ всѣ читаютъ, т. е. создавать у нихъ систему нервныхъ импульсовъ, мускульныхъ, двигательныхъ привычекъ и зрительныхъ образовъ,

соотвѣтствующихъ общепринятому историческому написанію русскихъ словъ. Очевидно, это—работа не одного, не двухъ, не трехъ лѣтъ, не перваго, или второго или третьяго отдѣленія, а непрерывное дѣло всей учебной жизни подростающихъ поколѣній,—дѣло жизненное, т. е. сопровождающее всѣ другія школьныя занятія, неотступно сопутствующее всякому образовательному занятію. Возвращаясь къ паралели между письмомъ и говореніемъ, можно сказать: въ теченіе всего періода своего школьнаго ученья человѣкъ учится говорить, непрерывно продолжаетъ то дѣло, которое началось еще въ колыбели: онъ узнаетъ новыя слова, символы новыхъ понятій, новые термины, названія и рѣчевые обороты и т. д. Образованнаго человѣка мы узнаемъ между прочимъ и по тому, какія слова онъ говоритъ. Подобно этому, въ теченіе всего же учебнаго періода своей жизни человѣкъ учится и писать: совершенное правописаніе есть слѣдствіе всего образованія, тѣмъ болѣе что процессъ овладѣнія правописаніемъ есть процессъ психофизическій и наполовину состоитъ изъ нервно-мышечныхъ привычекъ, пріобрѣтаемыхъ непрерывной практикой нѣсколькихъ лѣтъ.

Таковъ, по моему мнѣнію, истинный смыслъ правописанія. Но въ нашемъ педагогическомъ мірѣ составился иной взглядъ на сущность правописанія и на процессъ обученія ему. Изъ правописанія у насъ сдѣлали отдѣльный учебный предметъ, или отдѣльную отрасль преподаванія, вродѣ 4 дѣйствій въ ариѳметикѣ. Составили программу этого предмета, распредѣлили по классамъ, написали учебники и... увидѣли, что это—самый трудный изъ школьныхъ предметовъ, труднѣе самой ариѳметики, ибо результаты получались совсѣмъ печальные и не соотвѣтствовали затраченному на преподаваніе времени и учебнымъ усиліямъ. Не желая въ себѣ искать причину неудачи, школа опрокинулась на самое русское правописаніе и его обвинила въ трудности и сложности, и стала требовать «упрощеній». Школа на этотъ разъ встрѣтила сочувствіе въ семьѣ, среди родителей, и возстаніе перекинулось изъ круговъ учительства въ общественныя организаціи, которыя, конечно, имѣли еще менѣе охоты разбираться въ истинныхъ причинахъ печальнаго явленія—упадка грамотности въ школѣ.

III.

Чтобъ говорить объ упрощеніи, необходимо прежде выяснить, какое правописаніе слѣдуетъ считать труднымъ, какое простымъ или легкимъ. Съ той точки зрѣнія на значеніе правописанія, которая была установлена выше, труднымъ правописаніемъ надо считать то, которое трудно читать, простымъ и легкимъ то, которое легко читать. Но у насъ, когда говорятъ объ упрощеніи русскаго правописанія, имѣютъ въ умѣ другое: счи-

таютъ труднымъ самый процессъ усвоенія русскаго правописанія въ школахъ и, чтобы облегчить это усвоеніе, требуютъ измѣненій въ самомъ правописаніи. Итакъ, придется анализировать самый процессъ обученія правописанію,—въ чемъ онъ состоитъ.

Неоднократно уже приведенная мною аналогія между писаніемъ и говореніемъ, между орѳографіей (правописаніемъ) и орѳоэпіей (правоглаголаніемъ) является наилучшимъ вспомогательнымъ пріемомъ, чтобы разобраться въ дѣйствительно трудномъ вопросѣ о процессѣ писанія и обученія ему. Сложный процессъ владѣнія рѣчью у образованнаго человѣка состоитъ изъ двухъ паръ обратно аналогичныхъ явленій или функцій: съ одной стороны, слушаніе и говореніе, съ другой, чтеніе и писаніе: слухъ и уста, зрѣніе и движенія (двиги) руки. Первая пара есть выраженіе нашей первичной рѣчи, которой насъ учитъ природа и окружающая среда отъ самой колыбели. Вторая пара является результатомъ школьнаго образованія. Надъ всѣми этими психофизическими процессами царитъ, однако, міръ идей,—все, что мы слышимъ и говоримъ, читаемъ и пишемъ, озарено смысломъ, значеніемъ, и только при этомъ условіи слово есть слово.

Между указанными парами функцій наблюдается полная аналогія. Слушаніе и чтеніе можно назвать процессами пассивными и эгоистическими, говореніе и писаніе—активными и альтруистическими. Слушая и читая, мы воспринимаемъ *для себя* идеи, притекающія отвнѣ, сами же не дѣйствуемъ. Говоря и пиша, мы сами дѣйствуемъ и притомъ не для себя, а *для другихъ*. Далѣе: говореніе и писаніе являются актами, **подчиненными** по отношенію къ слушанію и чтенію, ибо мы говоримъ слова такими, какими ихъ слышимъ въ живой рѣчи, а пишемъ слова такими, какими ихъ видимъ, какими ихъ всѣ видятъ при чтеніи.

Сказать неслышанное ниразу слово въ сущности невозможно: кто не слышитъ, тотъ и не говоритъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно представить себя въ положеніи человѣка, который учится говорить на иностранномъ языкѣ, или имѣетъ дѣло съ написаннымъ словомъ, не бывшимъ въ его слуховой практикѣ. Научиться произносить французскія слова, не слыша живого ихъ произношенія, невозможно,—невозможно научиться чужому разговорному языку по книгѣ. И даже свои, русскія слова, никогда не слышанныя, мы произносимъ по написанному сплошь и рядомъ неправильно,—напримѣръ, говоримъ: Сухóна вм. Сýхона, Чухломà вм. Чýхлома и т. д.

Совершенно аналогичное наблюдается и въ области писанія (орѳографическаго). Нечего уже говорить о томъ, что не умѣющій читать писать не можетъ (подобно тому какъ глухой не можетъ говорить). Писать слово это значитъ дать ему такое начертаніе, видъ, въ какомъ оно читается, зрится. Письмо находится подъ контролемъ и управленіемъ зрѣнія (а не слуха, какъ гово-

реніе). Надежнѣйшая основа для орѳографическаго письма есть зрительная память, густо и богато заселенная правильными зрительными образами словъ (орѳограммами). Писать по слуху (диктовка) всегда ненадежно,—такъ же ненадежно, какъ произносить по-писанному. На вопросъ: какъ написать дубъ (дуп)? намъ отвѣчаютъ: дэ, у, бэ, или произносятъ: *дуб*, подчеркивая *б*, т. е. стараются разрушить въ нашемъ представленіи слуховой образъ (дуп) и напротивъ помочь намъ представить слово зрительно (дубъ). Когда мы пишемъ орѳографически, а не фонетически, мы въ сущности списываемъ слова съ тѣхъ зрительныхъ образовъ, которые накоплены въ нашей памяти и съ которыми у опытныхъ писцовъ уже связаны соотвѣтствующія иннервацiи и движенія руки. Слышимое слово вызываетъ соотвѣтствующій зрительный образъ, а за послѣднимъ автоматически слѣдуютъ движенія письма, и чѣмъ опытнѣе пишущій, тѣмъ быстрѣе совершается этотъ процессъ, въ которомъ иногда совершенно незамѣтно и какъ бы пропускается среднее звено: зрительный образъ, и мы пишемъ *какъ-бы* по слуху, на самомъ дѣлѣ поминутно противорѣча въ своемъ письмѣ тому, что слухъ подсказываетъ.

Такова психологическая картина писанія. Она даетъ намъ разумѣть, что задача обученія правописанію состоитъ: а) въ обогащеніи памяти зрительными образами словъ, и б) въ созданіи соотвѣтствующихъ этимъ образамъ иннервацій и двигательныхъ привычекъ пишущей руки.

Къ сожалѣнію, наша методика пошла по другому пути въ преподаваніи русской орѳографіи въ школахъ. Звуковой методъ обученія грамотѣ, царившій въ нашей школѣ болѣе 50 лѣтъ, сосредоточилъ учебное вниманіе дѣтей на звукахъ и буквахъ, а не на цѣлыхъ словахъ. Изъ-за буквъ дѣтямъ-звуковикамъ не видно словъ. Звуковой методъ боится показать дѣтямъ слово и сказать «вотъ слово МАМА. Разсмотрите его, произнесите его, прислушайтесь къ звукамъ, сравните звуки съ буквами, сообразите, какъ слово составилось изъ буквъ». Нѣтъ, онъ подводитъ дѣтей къ невѣдомо что обозначающему ряду буквъ и говоритъ: «произносите букву за буквой, сливайте произносимые звуки: что у васъ выйдетъ?» Ученики *по буквамъ ищутъ слово*, а не въ словѣ ищутъ знакомыя буквы. Совершенно не изощряется сила зрительнаго анализа у дѣтей, ибо работа не исходитъ отъ видимаго слова, *какъ цѣлаго*, а напротивъ изощряется сила синтеза (сліянія), основаннаго исключительно на слуховыхъ представленіяхъ. Подобнымъ образомъ и при обученіи письму—всѣ усилія употребляютъ на то, чтобы создать у дѣтей привычку строить письменное слово по слышимымъ звукамъ, по слуху. Произноси слово, слушай его звуки, записывай ихъ и выйдетъ письменное слово,—«пиши какъ говоришь»,—вотъ правило звукового письма. Не пріучаютъ думать о цѣломъ словѣ, прежде чѣмъ написать его, и считаютъ до-

садными и «трудными» всѣ случаи, когда необходимость все-таки заставляетъ представить сначала цѣлое слово, ибо форма (видъ) многихъ словъ-орѳограммъ зависитъ отъ ихъ значенія, отъ идеи: только зная идею слова, можемъ написать его. (Напримѣръ: *есть* и *ѣсть*, *въ поле* и *въ полѣ*, *ели* и *ѣли* и т. д.). Вотъ почему, буква *ять* давно сдѣлалась «помѣхой просвѣщенію»: она не имѣетъ особаго звучанія сравнительно съ *е* и является совершенно лишнею буквою для пишущихъ по слуху. Таковы же и буквы *ѳ*, *і*, и *ижица*, нынѣ подвергнутые остракизму. Избавившись отъ этихъ буквъ, думаютъ избавиться отъ труда сопровождать писаніе словъ идеями,—почти механическій переводъ звуковъ на буквы кажется дѣломъ совсѣмъ легкимъ и упрощеннымъ: не даромъ наиболѣе радикальные реформаторы правописанія требуютъ фонетическаго письма, т.-е. полнаго устраненія разницы между тѣмъ, что слышишь, и начертаніями словъ,—вмѣсто орѳограммъ требуютъ механически начертываемыхъ фонограммъ. Первый шагъ къ этому сдѣланъ нынѣшнею реформой, которая убрала досадныя «помѣхи просвѣщенію».

IV.

Иниціаторы реформы должны ликовать: имъ удалось провести то, о чемъ не мечтали и за-границей сторонники подобныхъ реформъ. У французовъ звучанія se^n и sa^n пишутся по крайней мѣрѣ на пять ладовъ, у англичанъ звукъ *ə* можетъ быть выраженъ по крайней мѣрѣ 10 способами; у англичанъ есть слова, въ которыхъ чуть не всѣ буквы оказываются лишними... И однако ни одинъ проектъ реформы правописанія тамъ не имѣлъ успѣха: на стражѣ исторической орѳографіи стоитъ тамъ высокое уваженіе къ культурѣ, добытой трудами многихъ поколѣній.

Наши реформаторы ликуютъ и называютъ историческимъ засѣданіе 11 мая въ конференц-залѣ Академіи наукъ. Но думается, что это ликованіе преждевременно, ибо весьма сомнительно, чтобы реформа увѣнчалась успѣхомъ и чтобы новое правописаніе вошло въ жизнь, хотя теперь оно уже предписано свыше.

Предписывая новое правописаніе, забыли, что письменность—это вѣсы съ двумя чашками. Письмо всегда стоитъ въ равновѣсіи съ чтеніемъ. Теперь облегчили одну чашку, но въ тотъ же часъ перегрузили другую: одна поднялась вверхъ, зато другая упала внизъ. За упрощеніемъ правописанія неизбѣжно должно послѣдовать усложненіе чтенія.

Мы пишемъ для того, чтобы кто-нибудь читалъ,—для чтенія: другого смысла въ писаніи никто указать не можетъ. Читать же—значитъ распознавать идеи, смыслъ въ видимыхъ начертаніяхъ: видимыя слова—такіе же символы идей, какъ и слова

произносимыя. Чѣмъ легче распознаются идеи въ видимыхъ словахъ, тѣмъ лучше способъ писанія, т. е. правописаніе. При писаніи словъ могутъ встрѣтиться 2 случая: 1) слова—начертанія могутъ не соотвѣтствовать звукамъ слова произнесеннаго: пишу не такъ, какъ говорю *(гара—гора, рошъ—рожъ)*, 2) слова—начертанія не соотвѣтствуютъ или не навѣрняка выражаютъ мысль пишущаго: думая о морской косѣ, пишу: *коса*, а читатель смотря на это слово, думаетъ о косѣ косца. Писаніе не достигло цѣли лишь въ послѣднемъ случаѣ, ибо цѣль писанія передать другому свою мысль, а не свое произношеніе. Вотъ почему, создавая орѳографію языка, слѣдуетъ болѣе всего, если не исключительно заботиться о томъ, чтобы пишемое было понятно, чтобы зрѣніемъ мы легко угадывали въ немъ идеи.

Въ существующемъ правописаніи мы замѣчаемъ нѣсколько явленій или свойствъ, которыя объясняются именно этою задачею, таковы: 1) письменное различеніе (дифференціація) одинаково произносимыхъ словъ, въ угоду идеѣ, или значенію. Такъ, произношу *йиё*, но пишу, смотря по идеѣ, или *ее* или *ея*, и обратно: *ее*, и *ея* читаю (вслухъ) одинаково, но сопровождаю чтеніе разными значеніями. Произношу «фполѣ», но пишу двояко: *въ полѣ* и *въ поле*, смотря по идеѣ. 2) Обратное явленіе—письменное охраненіе, зрительная устойчивость морфологическихъ схемъ (морфемъ) при фонетической ихъ измѣнчивости, и это опять въ угоду идеѣ. Такъ, зная идею слова *безъ* (лишеніе, отсутствіе, минусъ), мы охраняемъ начертаніе *без* и тогда, когда *без* превращается въ *бес* при произношеніи: пишемъ не только *безъ дыму, бездымно*, но и *безъ шуму, безшумно*. Слышимъ: «извощикъ», а пишемъ *извозчикъ*, выигрывая тѣмъ самымъ ясность смысла, т. е., запечатлѣвая письмомъ причастность слова къ корню *воз* и *извоз*. Пишемъ, *накладчикъ*, а не *накладчикъ*, чтобы сохранить корень *клад*.

Явленія эти, а равно и наше стремленіе вводить въ письменную рѣчь разнаго рода сокращенія и условныя начертанія, не имѣющія никакого отношенія къ звукамъ, показываютъ, что правописаніе стремится сдѣлаться идеографическимъ, т. е. сдѣлать слова не фонограммами, а идеограммами.

Проводимая нынѣ въ жизнь школы реформа правописанія пошла какъ-разъ по противоположному пути: Въ отмѣнѣ буквы *Ѣ I* и *Ъ*, въ сліяніи *ее* и *ея* во едино, въ отмѣнѣ *ыя, ія, однъ* и *онъ* мы видимъ нарушеніе принципа зрительной дифференціаціи въ ущербъ смыслу читаемаго и во славу фонетики. Напротивъ, въ смягченіи *з* въ *с* предъ глухими во всѣхъ приставкахъ, т. е. въ начертаніяхъ *бессильный, расссорились, чересчур* и т. д. мы видимъ нарушеніе принципа неизмѣнности морфологическихъ частей и опять въ ущербъ смыслу и ради фонетики.

Вотъ нѣсколько примѣровъ новаго правописанія, показывающихъ, что торжество фонетики наноситъ ущербъ идеографическому началу въ правописаніи:

Осел мел за муку принял.—
Осел мел на пол мелкою пылью.—
Исстари русскій народъ осел по берегамъ рек.—
Есть ли мясо?—
В лесу наши ели молчаливо возле ели уху.—
Кому из вас интереснее ее вести, тот сиди и слушай.—
Все ли вести из города в село доходят?—
Село большое над озером уток крикливое стадо?—
Смело ветром несомую лодку в море направил моряк.—
Семена отец с собою в поле взял.—[1]

Нѣтъ сомнѣнія, что пишущій по законамъ подобнаго правописанія, въ силу того, что и онъ будетъ писать для читателя, для передачи ему своихъ мыслей, а не своего произношенія, невольно будетъ подчиняться принципу зрительной дифференціаціи, т.-е. придумывать искусственныя средства для того, чтобы сдѣлать свое писаніе понятнымъ. Онъ принужденъ будетъ пускать въ ходъ дополнительные различительные (діакритическіе) знаки, напримѣръ: удареніе (вéсти, смéло), букву е съ точками наверху (осёл), подчеркиваніе буквъ и т. под. Но дума о подобныхъ знакахъ и внесеніе ихъ въ рукопись и затруднитъ, и замедлитъ работу писанія. Не говорю уже о томъ, какъ подобные знаки нежелательны съ типографской точки зрѣнія. А между тѣмъ ихъ придется употреблять несравненно чаще, чѣмъ теперь,— особенно ударенія. Не говорю также о томъ, какъ связанъ будетъ всякій пишущій въ выраженіи разныхъ тонкостей смысла, какъ затруднена будетъ та свобода въ обращеніи съ словами, которая у Пушкина, напримѣръ, иногда переходитъ въ настоящую игру. Сильно пострадаетъ и лаконизмъ рѣчи. Нашъ письменный языкъ и при современномъ правописаніи слишкомъ многорѣчивъ: русскій переводъ съ иностраннаго, особенно съ англійскаго, выходитъ значительно пространнѣе оригинала. Проектируемое новое правописаніе, обезличивая громадное множество словъ, принудитъ писателя прибѣгать къ лишнимъ словамъ, чтобы сдѣлать свою мысль удобопонятной.[2]

---

[1] Оселъ мѣлъ за муку принялъ.—Осѣлъ мѣлъ на полъ мелкою пылью.—Изстари русскій народъ осѣлъ по берегамъ рѣкъ.—Ѣсть ли мясо? (или: Есть ли мясо?)—Въ лѣсу наши ѣли молчаливо возлѣ ели уху.—Кому изъ васъ интереснѣе ея вѣсти, тотъ сиди и слушай.—Всѣ ли вѣсти изъ города въ село доходятъ?—Сѣло большое надъ озеромъ и т. д.—Семёна (или сѣмена?) и т. д.

[2] Новая русская письменность въ особенности будетъ трудна и малодоступна для инородцевъ: для нихъ въ обѣднѣвшей знаками, т.-е. признаками смысла, русской грамотѣ еще менѣе, чѣмъ теперь, будутъ различимы слова-идеи.

V.

Нельзя не отмѣтить также тѣхъ практическихъ затрудненій, съ которыми связано проведеніе въ жизнь проектируемой реформы правописанія. Правописаніе есть изображеніе нашей рѣчи для глаза условными начертаніями. Правописаніе и есть то, что называютъ грамотой. Память грамотнаго содержитъ множество зрительныхъ образовъ словъ и потому грамотный въ начертаніяхъ-словахъ узнаетъ слова-мысли. У неграмотнаго нѣтъ въ памяти, (ибо не было и въ ощущеніи), никакихъ зрительныхъ образовъ словъ, и потому онъ ничего не видитъ въ словахъ начертаніяхъ, хотя прекрасно видитъ эти слова, не слѣпъ на буквы и ихъ сочетанія. Измѣнить правописаніе—для учившагося грамотѣ значитъ: изгладить изъ его памяти прежнія формы и образы словъ и населить ее новыми образами. Очевидно, это не такъ просто, какъ кажется. Сказать ученику: пиши безъ *ѣ*, безъ *ѳ*, безъ *і* и оставить его при старыхъ книгахъ—это вовсе не будетъ реформой правописанія, а лишь узаконеніемъ общей для всѣхъ школъ формы безграмотнаго письма, ибо грамотнымъ правописаніемъ будетъ то, которое останется въ книгахъ. Одно изъ двухъ: или надо изолировать глазъ ученика отъ всѣхъ книгъ стараго правописанія, или же примѣнить реформу правописанія лишь къ тѣмъ ученикамъ, которые только придутъ учиться грамотѣ. Но и съ ними процедура ученія будетъ нелегкая. Прежде всего, надо составить, напечатать и разослать по всѣмъ школамъ букварь съ примѣненіемъ въ немъ новаго правописанія. Затѣмъ, надо принять мѣры къ охранѣ дѣтскаго зрѣнія отъ вреднаго вліянія «старыхъ» книгъ, гдѣ онъ будетъ видѣть и *ѣ*, и *і* и *ѳ* и тѣмъ зосорять свою память и сознаніе. Наконецъ, немедленно же надо составить первую книгу для чтенія, первую ариѳметическую книжку и первую книжку по Закону Божію для первогодниковъ, которые послѣ рождества должны будутъ перейти отъ букваря къ книгамъ. И все время неустанно бороться съ пагубнымъ вліяніемъ товарищества и старыхъ книгъ, которыя всюду будутъ подвертываться ученику и по мѣрѣ овладѣнія имъ грамотой все болѣе и болѣе интересовать его! Положеніе такихъ учениковъ, жертвъ новаго правописанія, будетъ исключительное и едва ли не безпримѣрное на страницахъ исторіи книжнаго просвѣщенія. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что при помощи товарищей и старшихъ братьевъ эти ученики все-таки выучатся грамотѣ «по старому» и контрабандой добудутъ себѣ то сокровище, которое у нихъ отняла школа по невѣдомымъ для нихъ причинамъ. А въ результатѣ въ ихъ зрительной памяти получится, просто говоря, каша вмѣсто стройныхъ рядовъ зрительно-словесныхъ представленій.

VI.

Придется упомянуть и о томъ, что реформа правописанія, нынѣ предлагаемая, далеко отодвигаетъ русскую грамоту отъ церковно-славянской. Въ Англіи однимъ изъ самыхъ сильныхъ мотивовъ противъ измѣненія провописанія былъ выставленъ тотъ, что реформа измѣнитъ привычный и дорогой народу видъ Библіи. У насъ церковно-славянскій языкъ имѣетъ не одно только историческое, но и нѣкоторое жизненное значеніе. Церковно-славянскую печать читаютъ у насъ и въ интеллигентныхъ, и въ народныхъ кругахъ. При нынѣшнемъ правописаніи переходъ съ гражданской печати на церковную для грамотнаго человѣка,—даже для ученика перваго отдѣленія, не представляетъ никакой трудности. Новое правописаніе, отбросивъ пять буквъ, сдѣлаетъ церковную печать чуждою для глаза и заставитъ желающихъ читать по церковному проходить особую школу чтенія, которая съ одной стороны будетъ не легка, а съ другой внесетъ нѣкую путаницу въ зрительныя представленія словъ у учащихся.

VII.

Я не думаю, чтобы предполагаемая реформа правописанія проникла за предѣлы школы и коснулась всей нашей письменности, т.-е. заставила бы переиздавать всю нашу художественную и научную литературу. Успѣхъ ея, если будетъ, то будетъ мѣстнымъ, ограничится школьнымъ обиходомъ: за предѣлами школы юноши будутъ доучиваться чтенію, чтобы имѣть возможность пользоваться русскою литературою. Но и въ школьныхъ учебникахъ, хрестоматіяхъ, книгахъ для чтенія класснаго и внѣкласснаго новое правописаніе нанесетъ нашей литературѣ чувствительный изъянъ. Многія художественныя творенія несомнѣнно будутъ искажены въ угоду «правописанію». Укажу нѣсколько примѣровъ изъ Пушкина, одного изъ самыхъ геніальныхъ творцовъ русскаго литературнаго языка. Знаменитая его «Зимняя дорога», безъ которой не обходится ни одна хрестоматія, будетъ безжалостно изуродована въ послѣдней строфѣ: она будетъ читаться такъ:

Ни огня, ни теплой хаты...
Глушь и снег... На встречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одни.

Въ стихотвореніи: «Не пой, красавица при мнѣ», слово *мне* будетъ риѳмовать съ *они* (вм. *онѣ*).

Съ тѣмъ же искаженіемъ будетъ печататься прекрасная VII строфа изъ VII главы «Онѣгина»:

Бывало в поздніе досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле, при луне
Обнявшись плакали *они*.

Упраздненіе формы: *ея* внесетъ обидный диссонансъ въ стихи XVI стр. той же главы «Евгенія Онѣгина»:

К ней, лая, кинулись собаки;
На крик испуганный *ее*
Ребят дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не без драки и т. д.

Поэтъ чутокъ къ слову. Его фонетика яснѣе простонародной. И наше новое правописаніе, подчинившись фонетическому принципу, возстала, быть можетъ неожиданно для себя, противъ поэтической фонетики, противъ законовъ поэтическаго благозвучія, надъ которыми такъ много работали наши поэты.

VIII.

Наконецъ позволяю себѣ обратить вниманіе на нѣкоторыя другія послѣдствія новаго правописанія, мысль о которыхъ невольно приходитъ въ голову.

1) Извѣстно, что въ западно-европейскихъ государствахъ, не только дружественныхъ съ нами, но и враждебныхъ намъ, пробудился въ послѣднее время интересъ къ русскому языку. У англичанъ основывается, если не ошибаюсь, даже особый институтъ или курсы русскаго языка. Послѣ войны интересъ этотъ несомнѣнно еще болѣе повысится, каковъ бы ни былъ исходъ этой войны. И вотъ въ этотъ именно моментъ мы сами вносимъ смуту въ нашъ письменный языкъ, который главнымъ образомъ, конечно, и будетъ предметомъ изученія иностранцевъ. Письменный языкъ изучается зрительно. Многіе изъ русскихъ образованныхъ людей изучили и знаютъ иностранные языки лишь зрительно, т.-е. не умѣя говорить, могутъ читать на иностранномъ языкѣ любую книгу и даже писать. Они по своему опыту знаютъ, какое громадное значеніе при такомъ именно изученіи языка имѣетъ устойчивость морфологическихъ схемъ или частей словъ. Быстро совершается и запоминаніе словъ, и производство новыхъ словъ отъ знакомыхъ уже корней. Нашъ письменный языкъ доселѣ развивался въ направленіи морфологическомъ, и глазу иностранца не очень затруднительно дѣлать анализъ русскихъ словъ по устойчивымъ морфемамъ. Новое правописаніе уклоняется на фонетическую дорогу и много повредитъ той зрительной ясности, которою обладала доселѣ русская ореографія, несмотря на наличность въ ней нѣкоторыхъ непослѣдовательностей, допущенныхъ и терпимыхъ во имя фонетики.

2) Мы крайне бѣдны всякаго рода словарями и энциклопедіями. Въ этомъ отношеніи мы отстали не только отъ культурныхъ народовъ перваго ранга, но и отъ подневольныхъ нашихъ братьевъ западныхъ славянъ. Даже у хорватъ, напримѣръ, есть педагогическая энциклопедія. У насъ таковой нѣтъ. Но и существующіе наши словари, начиная съ Академическаго, потеряютъ всякое справочное значеніе для лицъ съ новой орѳографіей въ головѣ. Существующіе ученическіе словари-справочники, пользованіе которыми считается въ современной методикѣ однимъ изъ вѣрныхъ средствъ усвоенія правописанія, также окажутся негодными и даже вредными для учебныхъ цѣлей.

3) Въ послѣднее время пресса наша справедливо отмѣчаетъ печальный фактъ засоренія русскаго языка иностранными словами. Борьба съ этимъ зломъ необходима и она возможна. Процессъ творчества въ языкѣ отнюдь не прекратился и не закончился. Новыя понятія требуютъ новыхъ русскихъ словъ. Но лѣнивая мысль отмахивается отъ этой работы и прибѣгаетъ къ готовымъ иностраннымъ терминамъ. На нашихъ глазахъ создавшіяся русскія слова для новыхъ понятій, вродѣ *самокатъ*, *летчикъ*, *пулеметъ*, являются удачными, но рѣдкими исключеніями. Необходимо словотворчество. Но правильное и жизненное, не насильственное, какъ у нашихъ футуристовъ, развитіе этого процесса, возможно лишь при бережливомъ сохраненіи языковыхъ морфемъ у пишущихъ людей. Утрата корней, которая является однимъ изъ слѣдствій увлеченія фонетикой, не будетъ способствовать быстрой и находчивой работѣ слово творчества.

IX.

Въ заключеніе придется сказать, что существующее теперь русское правописаніе, конечно, никто не назоветъ безукоризненнымъ. Въ немъ много несовершенствъ и изъяновъ, которые слѣдовало бы исправить. Происхожденіе ихъ ясно. Новѣйшіе законодатели этого правописанія въ своихъ рѣшеніяхъ утверждались болѣе на историко-этимологическихъ, чѣмъ на психологическихъ основахъ. Тезисъ: правописаніе тѣмъ проще и тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ легче по нему читать,—чѣмъ лучше, благодаря ему, мысли писателя передаются читателю посредствомъ видимыхъ начертаній,—этотъ тезисъ, повидимому, мало принимался въ соображеніе и прежними устроителями нашего правописанія, какъ не принятъ онъ во вниманіе и современными реформаторами. Иначе мы не встрѣчали бы тѣхъ противорѣчій и непослѣдовательностей, съ которыми теперь имѣемъ дѣло въ правописаніи. Укажу на такой хотя бы примѣръ. Доселѣ мы въ приставкахъ *без* и *чрез* не смягчали *з* предъ глухими (безпечно, черезчуръ), но смягчали это же *з* въ однородныхъ приставкахъ

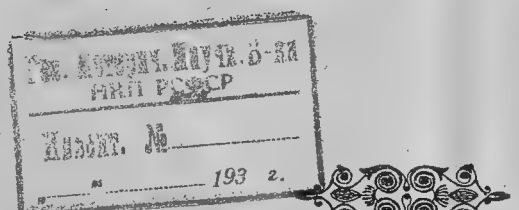
из воз раз низ,—нарушая тѣмъ законъ зрительной нерушимости морфологическихъ схемъ. Нынѣ непослѣдовательность эта замѣчена и отмѣняется, но не въ пользу зрѣнія, а въ пользу фонетики: предписывается смягчать *з*, и въ *без*, и въ *чрез*. Но остается непонятнымъ, почему же оставлены безъ измѣненія звонкія же приставки: *над под об в*? Почему *д, б* и *в* не смягчаются предъ глухими, если требуютъ смягченія *з*? Простая логика и послѣдовательность въ примѣненіи фонетическаго начала требовала бы такихъ орѳограммъ: *натпись, потпись, опшить, фпору, здать, здѣлать, бещисленный, бещинство, жжечь, жжать* и т. д.

Подобныхъ непослѣдовательностей, нарушающихъ однообразіе и закономѣрность правописанія, можно указать много. Они-то и создаютъ въ преподающихъ правописаніе ту нервность и то озлобленіе, которое по недоразумѣнію излилось на неповинную букву ѣ.

Къ этому надо добавить полную несостоятельность, съ точки зрѣнія здравой психологіи, тѣхъ пріемовъ, которыми пользуются у насъ при преподаваніи правописанія, и полную неосвѣдомленность составителей учебниковъ грамоты и правописанія съ психологіей неразрывныхъ процессовъ чтенія и письма.

Реформа правописанія нужна, но сдѣлать ее можно безъ шума, безъ крутой ломки, незамѣтно. И только въ этомъ случаѣ она проникнетъ въ жизнь и принесетъ пользу, ибо сдѣлаетъ наше письмо еще болѣе яснымъ и понятнымъ для читателя.

«Научная закономѣрность въ правописаніи есть уже его упрощеніе, потому что просто все, что объяснено и приведено въ болѣе или менѣе строгую систему». (Изъ доклада Московскаго Педаг. Общества).


Инв. №
193 г.

Петроградъ. — Синодальная типографія. — 1917.

К. 6466.

Съ требованіями обращаться въ редакцію журнала «Народное Образованіе»,
Петроградъ, Кабинетская, 13.

СКАНИРОВАНИЕ ЭДД
ордер 1071, с. 2-15 17.06.09